

ШТРИХИ ВОСПОМИНАНИЙ

* * *

За последнее время в эмиграции часто стало упоминаться имя Василия Васильевича Розанова. В. В. Розанова я хорошо знал лично. Я не являюсь литератором с именем, а потому мое о нем мнение, быть может, не представляет интереса, но даваемые мною о нем сведения, мне кажется, безусловно должны быть учтены, так как я сообщаю *факты*, точность которых удостоверяю своей полной подписью, а также указываю свой адрес и точные даты и места описываемого. Эти данные, мне кажется, тем более ценны, что относятся к тому времени жизни Василия Васильевича, которое наименее освещено в его биографии и в воспоминаниях о нем, но они, как белые точки в глазах портрета, мне думается, должны послужить к уяснению его личности.

В девяностых годах прошлого века я жил в городе Белом быв<шей> Смоленской губернии, и в 1891 и 92 гг. состоял учеником первого класса местной шестиклассной прогимназии. Преподавателем географии у нас был Василий Васильевич Розанов, а учебник — «Курс всеобщей географии» Янчина¹. Давно это было, время стерло в памяти многие лица, имена и фамилии, но личность Вас<илия> Вас<ильевича> Розанова передо мной стоит до сих пор так ясно, как будто мы расстались с ним только вчера. Среднего роста, рыжий, с всегда красным, как из бани, лицом, с припухшим носом картошкой, близорукими глазами, с воспаленными веками за стеклами очков, козлиной бородкой и чувственными красными и всегда влажными губами он отнюдь своей внешностью не располагал к себе. Мы же, его ученики, ненавидели его лютой ненавистью, и все, как один. Курс всеобщей географии, казалось бы, не должен был представлять особых трудностей, и в руках умелого преподавателя легко мог стать и чрезвычайно интересным, но свою ненависть к преподавателю мы переносили и на преподаваемый им предмет. Как он преподавал? Обычно он заставлял читать новый урок кого-либо из учеников по учебнику

Янчина «от сих и до сих» без каких-либо дополнений и разъяснений, а при спросе гонял по всему пройденному курсу, выискивая, чего не знает ученик. Спрашивал он по немой карте, стараясь сбить ученика. Например, он спрашивал: «Покажи, где Вандименова земля?», а затем, немного погодя: «А где Тасмания? Что такое Гавайи? А теперь покажи Сандвичевы острова»². Одним словом, ловил учеников на предметах, носящих двойные названия, из которых одно обычно упоминалось лишь в примечании. А когда он свирепел, что уж раз за часовой урок обязательно было, он требовал точно указать границу между Азией и Европой, между прочим, сам ни разу этой границы нам не показав. Конечно, ученик правильно вел указкой по карте только до реки Урала, а там начинал путать, и мы уже заранее знали, что раз дело дошло до границы между Азией и Европой, то единица товарищу обеспечена. Но вся беда еще не в этом. Когда ученик отвечал, стоя перед картой, Вас<илий> Вас<ильевич> подходил к нему вплотную, обнимал его за шею и брал за мочку его ухо, и пока тот отвечал, все время крутил ее, а когда ученик ошибался, то больно дергал. Если ученик отвечал с места, то он садился на его место на парте, а отвечающего ставил у себя между ногами и все время сжимал ими ученика и больно щипал, если тот ошибался. Если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Вас<илий> Вас<ильевич> подходил к нему сзади и пером больно колот его в шею, когда он ошибался. Если ученик протестовал или хныкал, то Вас<илий> Вас<ильевич> колот его еще больней. От этих укулов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка. Иногда во время чтения нового урока, когда один читал, а все остальные должны были следить по своим учебникам, Вас<илий> Вас<ильевич> отходил к кафедре, глубоко засовывал обе руки в карманы брюк, а затем начинал производить какие-то манипуляции. Кто-нибудь из учеников замечал это и фыркал, и тут-то начиналось, как мы называли, избивание младенцев. Вас<илий> Вас<ильевич> свирепел, хватал первого попавшегося за руку и тащил к карте. — «Где граница Азии и Европы? Не так! Давай дневник!» И в дневнике — жирная единица. — «Укажи ты! Не так!» — И вторая единица, и тут уж нашими «колами» можно было городить целый забор. Любимыми его учениками, то есть, теми, на которых он больше всего обращал внимание и мучил их, были чистенькие мальчишки. На двух неряшливых бедняков из простых и на одного бывшего среди нас еврея он не обращал внимания, спрашивая их только раз, чтобы не оставлять без отметки в четверти. Мы, малыши, конечно, совершенно не понимали, что творится с Вас<илием> Вас<ильевичем> на наших уроках, но боялись его и ненавидели. Но

позже, много лет спустя, я невольно ставил себе вопрос, как можно было допускать в школу такого человека с явно садистическими наклонностями? Это был ценный объект для наблюдений доктора Крафт-Эбинга³. О том, что он был женат на любовнице Достоевского Апполинаруи Сусловой, бывшей старше Розанова на 16 лет, я узнал позже, в девяностых годах она его уже оставила и в г. Белом ее не было.

Всеволод Владимирович Обольянинов
28-38 Бэлл Бульвар, Бэйсайд, Лонг Айленд, Н.-Й.

*[В. В. Обольянинов. В. В. Розанов — преподаватель
в Бельской прогимназии (письмо в редакцию)]*

* * *

В Петербурге, на Шпалерной улице, у церкви Всех Скорбящих¹ и дома предварительного заключения², около тех мест, где находился некогда дворец сына Петра Великого, царевича Алексея, в четвертом этаже огромного нового дома, в квартире Василия Васильевича Розанова лет пять тому назад по воскресным вечерам происходили любопытные собрания. Из незанавешенных окон столовой видны были звездно-голубые сказочные дали Невы с мерцающей цепью огоньков до самой Выборгской. Здесь, между Леонардовой Ледой с лебедем, многогрудю фригийской Кибелой и египетской Изидой с одной стороны, и неизменно теплящейся в углу, перед старинным образом, лампадкой зеленого стекла, — с другой, за длинным чайным столом, под уютно-семейной висячей лампой, собиралось удивительное, в тогдашнем Петербурге, по всей вероятности, единственное общество: старые знакомые хозяина, сотрудники «Московских ведомостей» и «Гражданина», самые крайние реакционеры и столь же крайние, если не политические, то философские и религиозные революционеры — профессора духовной академии, синодальные чиновники, священники, монахи — и настоящие «люди из подполья», анархисты-декаденты. Между этими двумя сторонами завязывались апокалиптические беседы, как будто выхваченные прямо из «Бесов» или «Братьев Карамазовых». Конечно, нигде в современной Европе таких разговоров не слышали. Это было в верхнем слое общества отражение того, что происходило на Светлом озере, в глубине народа.

[Д. С. Мережковский. Революция и религия]

Перед четой Мережковских совершенно ступшевывался идейный конкурент Дмитрия Сергеевича — Розанов, незаменимый собеседник tête-à-tête, но робкий в большом обществе. В «Мире искусства», особенно в первые годы, Розанова стеснял уже самый состав собраний и даже обстановка квартиры. Не забуду первое посещение им редакционного вечера, еще на Литейном¹. Появление Василия Васильевича произвело эффект, и весь вечер внимание было устремлено на него. Но он сам был решительно сконфужен. Главное, его смущало, что он, тогда еще очень консервативно настроенный и хорошо сохранившийся провинциальный «дичок», попал на вечер к «декадентам», которые неизвестно еще, как ведут себя. Подозрительно оглядывался он по сторонам, как бы ожидая появления чего-нибудь неподобающего... Особенно его взоры привлекла висевшая посередине кабинета Дягилева резная деревянная люстра в форме дракона со многими головами. По окончании вечера мы пошли с ним вдвоем по Литейному. «Вы видели, какая у них люстра? — боязливо сказал он и, помолчав, прибавил: — Разве Страхов пошел бы к ним больше одного раза?» Консервативный и благодушно-старомодный Страхов был для Василия Васильевича в те годы руководящим идеалом. Однако время шло, и постепенно Василий Васильевич убеждался, что на Литейном 45 ничего особенного не происходит, что страшная люстра висит спокойно на своем месте и эти «декаденты», пожалуй, вовсе не такие развратители и потрясатели всех основ, какими их воображали и изображали в кругах, где он до тех пор вращался. А так как именно в «Мире искусства» встретил Розанов первое серьезное внимание к своим, тогда еще новым идеям, и пугавшей его самой сексуальной философии, то немудрено, что, забыв Страхова, он стал все чаще и чаще бывать «у них», — пока не акклиматизировался совсем в семирамидных садах.

Но все-таки из всех посетителей и обитателей дягилевской квартиры Розанову была, кажется, милее всех одна мало замечаемая другими особа. Эта особа была старая нянюшка Сергея Павловича, — настоящая, очень стильная «Арина Родионовна», как мы ее, конечно, тотчас же прозвали, — обыкновенно скрывавшаяся во внутренних помещениях квартиры, но иногда, когда бывало мало народа, появлявшаяся в столовой, чтобы разливать чай. И чай казался вкуснее с ее появлением, и всему придавался какой-то благодушно-патриархальный оттенок.

* * *

...Продолжали бывать по воскресеньям кто у Федора Сологуба, а кто — у Розанова. Я бывал и там, и тут; и о тех, и о других «воскресеньях» есть уже воспоминания. Хорошо изобразил вечера у Розанова Д. А. Лутохин, напечатавший свои воспоминания в 1922 году¹. Я их читал — и живо вставали поблекшие образы — большой, просторной квартиры во много комнат, негусто уставленных мебелью, рождественской елки, на которой резвились дети Розанова и их знакомые, барышни и молодые люди; одна из барышень была красива, как сама Венера (вспоминает Д. Лутохин). У Розановых почти не читали своих литературных произведений; но обильно закусывали; долго засиживались за чайным столом; разговаривали, — говорил по большей части хозяин... Потом он вел всех или некоторых гостей в кабинет, — тоже очень просторный, тут было много стеклянных ящичков с аккуратно разложенными монетами: журналист по профессии, — в эту пору Розанов считал себя по призванию нумизматом, и ничем больше. Страсть к собиранию монет вытесняла в нем тогда все остальное. Но нужно сказать, он умел извлекать из этой нейтральной страсти лучшее для себя и своих собеседников. Вытаскивая какую-нибудь монету или показывая пальцем несколько их сразу в витрине, — Розанов начинал объяснять особенности чеканки; по ним отскакивал к другим данным материальной культуры, — и таким образом за ушко как бы вытягивал на свет целый кусочек эпохи. Возможно, он фантазировал немного, — но, во всяком случае, почти всегда очень талантливо.

[В. Пяст. Встречи]

* * *

...у Минского по предложению Вячеслава Иванова и самого Минского было решено произвести собрание, где бы Богу послужили, порадели, каждый по пониманию своему, но «вкуче»; тут надежда получить то религиозное нелегкое в совокупном собрании, чего не могут получить в одиночном пребывании. Собраться решено в полуночи (11 1/2 ч.) и производить ритмические движения, для расположения и возбуждения религиозного состояния. Ритмические движения, танцы, кружение, наконец,

особого рода мистические символические телорасположения. Не знаю, в точности ли так я передаю, но смысл собрания, предложенного Минским и Ивановым в воскресенье 1 мая у Розанова, был именно таков. Собрание для Богообручения с «ритмическими движениями», и вот еще что было предложено В. Ивановым — самое центральное — это «жертва», которая по собственной воле и по соглашению общему решает «сораспяться вселенской жертве», как говорил Иванов; вселенскую же распятую жертву каждый по-своему понимает. «Сораспятие» выражается в символическом пригвождении рук, ног. Причем должна быть нанесена ранка *до крови*.

Минский в конце сказал, что к себе он никого не приглашает, а сами кто желает пусть приходит, Английская набережная, дом № 1. Просил соблюсти все сказанное в тайне.

2 мая собрание действительно состоялось. <...> Я узнал это вчера от падчерицы Розанова, Александры Михайловны. Александра Михайловна пригласила с собой одного милого и интересного молодого человека, бывающего у них, музыканта, ученика консерватории, блондин-еврей, красивый, некрещеный; он не был знаком с Минским, а пошел только по приглашению Ал<ександры> Мих<айловны>. Был Бердяев с женой, Ремизов с женой, Сологуб, Розанов, Венгерова, оба², кажется, Мария³, Минские и Иванов Вяч. с женой. Последняя⁴ была в красной рубахе до пят, с засученными по локоть фасонно рукавами (вещь рискованная — балаганом попахивает).

Вечер начался с того, что ели и пили в столовой чай и печенье. Розанов прервал говорить: «Ну что же, господа, мы всё здесь сидеть будем да болтать...», и пошли в зал. Сели на пол прямо, взявшись за руки. Огонь то тушили, то снова зажигали, иногда красный. Сидели, сидели, вдруг кто-то скажет: «Ой, нога затекла». Смех. Потом: «Ой, кто-то юбку дергает». Смех. Ал<ександра> Мих<айловна> вспоминает все это с содроганием. Говорит, Минский был ужасен. Тишины не делалось. Больше всех смеялся Бердяев, как ребенок смеялся, это — хорошо. Жена Бердяева⁵ произвела на Ал<ександру> Мих<айловну> сильное впечатление своей религиозной серьезностью и силой: накануне у Розанова она совершенно отрицательно отнеслась к этому собранию, называя кощунственное самовозбуждение ненужным тому, кто верит, и смешным. Но как это опять важно, она была серьезна.

Больше всего делал и говорил Иванов. Он был чрезвычайно серьезен, и только благодаря ему все смогло удержаться. И сиденье на полу с соединенными руками произвело действие. Ка-

жется, чуть не два часа сидели. И вот тогда решили после объяснения начать избирать жертву. Да, забыл, что во время сидения в комнате каждый менялся местами со своими дамами. Потом вышли в другую комнату. Потом стали *кружиться*. И Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, ничего не вышло: «Котильон». Воображаю жену Иванова, ты ведь ее видел, в красной рубахе, полную, плечистую, вертящейся.

Потом вот о жертве и избрании жертвы, которая «сораспалась» бы. И как только спросили, «кто хочет?», поднялся молодой человек, приведенный А<ександрой> Мих<айловной>, и сказал: «Я хочу быть жертвой». Поднялись волнения. Одни не хотели его, другие хотели. И когда решили большинством голосов его избрать, то начали готовить. Я все же рад, что не Минского распинали — это было бы нечто чудовищное до отвращения, и рад, что молодого человека — это лучше. Иванов подошел и говорит: «Брат наш, ты знаешь, что делаешь, какое дело великое и т. д.». Потом все подходили и целовали ему руки. Ал<ександра> Мих<айловна> кричала, что не надо этого делать, что это слишком рано, что не подготовлен никто; ее перебили, говорили: «Вы жалете», даже с многозначительными улыбками: «Вам жалко».

Но вот наступила минута Сораспинания. Ал<ександра> Мих<айловна> говорит, что закрыла глаза, похолодела и не видела, что они делали. Потом догадалась. Кажется, Иванов с женой разрезали ему жилу под ладонью у пульса, и кровь в чашу... Дальше показания путаются. Но по истерическим выкрикам жены Розанова, если судить, что этой крови все приобщились, смешав с вином. Впрочем, Ал<ександра> Мих<айловна> как-то тут говорит неопределенно, я не расспросил, позабыл тот момент расспросить, а жена Розанова, которая слышала по рассказам Вас<илия> Вас<ильевича> обо всем и пришедшая в состояние бешенства и даже заболела на неделю нервами, жена Розанова говорит, что пили кровь все, и потом братским целованием все кончилось. Потом опять ели апельсины с вином.

Когда вышли на набережную Невы (Английская), то, говорит Ал<ександра> Мих<айловна>, в свете кончающейся белой ночи и загоревшейся зари почувствовали мы чрезвычайно нечто новое — единство. Потом поехал к ним молодой человек. Ночь не спала, и всю неделю по два часа по ночам не спала. Это важно. Потому что здесь, наверное, томление глубокое освященной любви, уже счастье жизни. Вообще, думаю, во всем этом собрании главными действующими лицами были этот молодой человек и Ал<ександра> Мих<айловна>.

Но жена Розанова встретила эти собрания, которые будут повторяться, встретила в штыки и взяла обещание с Вас<илия> Вас<ильевича> и падчерицы больше не ходить на них.

Я очень благодарю Бога, что не пошел. Это было бы для меня ужасно. Очень рад, что несколько удалось, но масса здесь бесовщины и демонически-языческого ритуала, кровь проливают. Главное, что все это совершено все же вне Христа... Тут мое молчание...

[*Е. П. Иванов. Из письма А. А. Блоку. 9–10 мая 1905 г.*]

* * *

Помню лето — жаркое, римское лето...¹

Где-то на Via Aurora маленький человек в «разлетайке» и соломенной шляпе торгуется с извозчиком, путая французские и латинские слова. Он не один — с ним спутница, русская по всему — по складу лица, по простоте, по скромности. Да и в нем сразу признаешь русака — ну кто же так тверд в семинарской латыни, кто так уступчиво-добродушен в обращении с чужим простонародьем, кто, наконец, рискнет в июньскую жару отправиться по раскаленным руинам, как не наш брат, костромич или тамбовец, ненароком заблудившийся в «Вечном городе»?..

Я не ошибся. Передо мной был соотечественник, но соотечественник не простой и турист не заурядный: Василий Васильевич Розанов сам-друг с женой практиковался в латыни с потомками римских возниц, смешливо слушавших его путаную речь. Оказывается, наш философ не прихватил путеводителя и вздумал разыскивать какую-то древнюю церковь, уповая на словарь Кронеберга² и удивляясь, что никто его не понимает.

— Милый Василий Васильевич, — рассмеялся я, — да ведь и в Москве вы ничего не найдете, если заговорите с извозчиком по церковно-славянски!

Мой спутник г. Ж. быстро уладил дело, и супруги Розановы укатили, а мы пошли своей дорогой и долго потом вспоминали оригинала-философа.

Он тогда жил в Риме и посылал в «Новое время» яркие, оригинальные корреспонденции. Их специальная тема и мастерское изложение привлекли внимание католического духовенства. В иезуитском «Voce della Verita» усердно цитировали Розанова и с чисто итальянским простодушием заявляли, что он имеет от своего редактора специальную миссию в духе соединения цер-

квей. Удивлялись также тому, как быстро и ясно усвоил русский писатель дух католического богослужения, как проникся, прососался он всем римским, как молодо и возбужденно реагировал на каждое религиозное явление, на каждую новую встречу. Один из приближенных к покойному кардиналу Ледоховскому³, беглый польский ксендз, прекрасно знающий русский язык, таинственно заявил мне, что сам его «эминенция» заглянул в газету и похвалил искусство «москаля». Словом, в Риме статьи Розанова обратили общее внимание, пожалуй, большее, чем у нас, где вопросами религии и искусства интересуются «по маленькой», а в летнее время и вовсе ничего «такого» не читают...

...Маленькая розовая книжка, нарядный, компактный томик, украшенный виньетками Бакста, лежит передо мной...

Это — «Итальянские впечатления» Розанова.

[Ю. Д. Беляев. *О Розанове (В. Розанов. Итальянские впечатления. СПб. 1909)*]

* * *

В. В. Розанов один из самых необыкновенных, самых оригинальных людей, каких мне приходилось в жизни встречать. Это настоящий уникум. В нем были типические русские черты и вместе с тем он был ни на кого не похож. Мне всегда казалось, что он зародился в воображении Достоевского, и что в нем было что-то похожее на Федора Павловича Карамазова, ставшего писателем. По внешности, удивительной внешности, он походил на хитрого рыжего костромского мужичка. Говорил прищепывая и приплясывая. Самые поразительные мысли он иногда говорил вам на ухо, приплеывая. Я, впрочем, не задаюсь целью писать воспоминания. Хочу отметить лишь значение встречи с Розановым в моей внутренней истории. Читал я Розанова с наслаждением. Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова. Мысли его очень теряли, когда вы их излагали своими словами. Ко мне лично Розанов относился очень хорошо, я думаю, что он меня любил. Он часто называл меня Адонисом, а иногда называл барином, при этом говорил мне «ты». О моей книге «Смысл творчества» Розанов написал четырнадцать статей¹. Он разом и очень восхищался моей книгой, и очень нападал на нее, усматривая в ней западный дух. Но никто не уделял мне столько внимания.

Наши мирозерцания и особенно наши мироощущения принадлежали к полярно противоположным типам. Я очень ценил розановскую критику исторического христианства, обличения лицемерия христианства в проблеме пола. Но в остром столкновении Розанова с христианством я был на стороне христианства, потому что это значило для меня быть на стороне личности против рода, свободы духа против объективированной магии плоти, в которой тонет образ человека. Розанов был врагом не церкви, а самого Христа, который заворожил мир красотой смерти. В церкви ему многое нравилось. В церкви было много плоти, плотской теплоты. Он говорил, что восковую свечку предпочитает Богу: свечка конкретно-чувственная, Бог же отвлеченен. Он себя чувствовал хорошо, когда у него за ужином сидело несколько священников, когда на столе была огромная традиционная рыба. Без духовных лиц, которые почти ничего не понимали в его проблематике, ему было скучно. Розанов подтверждал, что в церкви было не достаточно, а слишком много плоти. Его это радовало, меня же это отталкивало. Когда по моей инициативе было основано в Петербурге Религиозно-философское общество, то на первом собрании я прочел доклад «Христос и мир»², направленный против замечательной статьи Розанова «Об Иисусе Сладчайшем» и горьких плодах мира». Это не нарушило наших добрых отношений. Он очень любил Лидию³. За месяц до смерти и в разгар коммунистической революции Розанов был у нас в Москве и даже ночевал у нас. Он производил тяжелое впечатление, заговаривался, но временами был блестящ. Он сказал мне на ухо: «Я молюсь Богу, но не вашему, а Озирису, Озирису». Розанов производил впечатление человека, который постоянно меняет свои взгляды, противоречит себе, приспосабливается. Но я думаю, что он всегда оставался самим собой и в главном никогда не менялся. В его писаниях было что-то расслабляющее и разлагающее. Он много способствовал увлечению проблемой пола. Я как-то написал о нем статью «О вечно бабьем в русской душе». Влияние Розанова противоположно всякому закалу души. Но он остается одним из самых замечательных у нас явлений, одним из величайших русских писателей, хотя и испорченный газетами. На его проблематику не так легко ответить защитникам ортодоксии. Он по истокам своим принадлежал к консервативным кругам, но нанес им тяжкий удар. Впрочем, я заметил, что правые православные предпочитали В. Розанова Вл. Соловьеву и многое ему прощали. Розанов мыслил не логически, а физиологически. По всему существу его была разлита мистическая чувственность. У него были замечательные интуиции об иудаизме и

язычестве. Но уровень его знаний по истории религии не был особенно высок, как и вообще у людей того времени, которые мало считались с достижениями науки в этой области. Вспоминаю о Розанове с теплым чувством. Это была одна из самых значительных встреч моих в петербургской атмосфере.

[Н. А. Бердяев. Самопознание]

* * *

Розанов обладал большим литературным дарованием и был в высшей степени оригинальным мыслителем и наблюдателем жизни. Его произведения не носили систематического или даже последовательного характера, но в них часто обнаруживались искры гения. К сожалению, его личность во многих отношениях была патологической; наиболее ярко подтверждает это его нездоровый интерес к половым вопросам. Он мог бы стать персонажем одного из романов Достоевского. Э. Ф. Голлербах в своей книге дает блестящую характеристику Розанова. Он говорит, что, стремясь проникнуть в глубины человеческой души, Розанов интересовался у других писателей их «домашними делами», их «бельем». Об этом я знаю кое-что лично. Три дочери Розанова посещали Высшие женские курсы, директрисой которых была моя теща — госпожа Стоюнина¹. Наша квартира находилась недалеко от курсов. Когда Розанов приходил по делам на курсы, он всегда заходил ко мне. Стоило мне сказать «войдите» в ответ на его стук в дверь, как он быстро входил в кабинет, подбегал к столу, на котором лежали раскрытые книги, и пытался подсмотреть, что именно я читаю. Быть может, он пытался настичь каждого таким образом, чтобы изучить действительные интересы людей...

После большевистской революции Розанов жил у отца Павла Флоренского² в Сергиевом Посаде в монастыре св. Сергия. Он написал там «Апокалипсис нашего времени», в котором выступил с хулой на христианство. Возмущенные этим, отец Павел, лектор Московской духовной академии Андреев³ и еще одно лицо, фамилию которого я забыл, пришли к Розанову. Как мне рассказывал Андреев, они заявили Розанову, что если он будет продолжать выступать с нападками на христианство, то они больше не будут его друзьями. Розанов ответил им, сознавая, очевидно, в себе или около себя какую-то демоническую силу: «Не трогайте Розанова; для вас будет хуже». И действительно, в следую-

щем году всех их постигло серьезное несчастье. Однако Розанов умер как добрый христианин. Перед смертью его сердце наполнилось радостью от Воскресения Христова. Несколько раз Розанов приобщался, и над ним совершали церковный обряд соборования. Он умер во время этого религиозного обряда.

[Н. О. Лосский. История русской философии]

* * *

Начну с Вас<илия> Вас<ильевича>. Да, он умер, 23 января 1919 г., после одной из бань, решительно ему запрещенных, его постиг удар; в параличном состоянии он пролежал несколько месяцев, очень неистовствуя и измучив родных. Но наряду с делами почти безумными с ним происходил и благотворный духовный процесс: В<асилий> В<асильевич> постигал то, что было ему непонятно всю жизнь. Он «тонул в бесконечно холодной воде Стикса»¹, тосковал «хотя бы об одной сухой нитке от Бога», между тем как стигийские воды проникали все его существо. «Вот каким страшным крещением сподобил меня Бог креститься под конец жизни», — сказал он мне при посещении его. Потом у него началось странное видение: «все зачеркнуто крестом». Я: «У вас двоится в глазах, В<асилий> В<асильевич>?» — «Да, физически двоится, а духовно все учетверяется, на всем крест. Это очень странно, очень интересно». Мне он продиктовал нечто в египетском духе на тему о переходе в вечность и обожествлении усопшего: «Я — Озирис и т. д.». Много раз приобщался и просил его соборовать, он нашел тут священника о. Павла себе по нутру. Твердил много раз, что он ни от чего не отрекается, что размножение есть величайшая тайна жизни; но принял как-то и Христа. Были у него какие-то страшные видения. Когда увиделся с ним в последний раз, за несколько часов до смерти, то В<асилий> В<асильевич> встретил меня смутно — уже прошептанными словами: «Как я был глуп, как я не понимал Христа». За последнее слово не ручаюсь, но, судя по всем другим разговорам, оно было сказано именно так. То, что он говорил затем, я уже не мог разобрать. Это были последние его слова. Перед смертью В<асилий> В<асильевич> продиктовал своим бывшим друзьям и в особенности тем, кого считал обиженным собою, очень теплые прощальные письма². Мирился с евреями³. Погребение его было скромное-прескромное, но очень благообразное и красивое. Собрались только самые близкие дру-

зья, бывшие в Посаде. И гроб — Вы знаете, как тут трудно добыть гроб, — попался ему изысканный: выкрашенный фиолетово-коричневой краской, вроде иконной чернели, как бывает иногда очень дорогой шоколад, с фиолетиной и слегка украшенный, — крестиком из серебряного галуна. Повезли мы В<асилия> В<асильевича> на розвальнях, по снегу, в ликующий солнечный день к Черниговской⁴ и похоронили бок о бок с К. Леонтьевым, его наставником и другом. Все было мирно и благолепно, без мишуры, без фальшивых слов, по-дружески сосредоточенно. Однако это был лишь просвет. А потом и пошло и пошло. Словно все бесы сплотились, чтобы отомстить за то, что В<асилий> В<асильевич> ускользнул от них. — Для могильного креста я предложил надпись из Апокалипсиса, на котором В<асилий> В<асильевич> последнее время (пропущено слово) и на котором мирился со всем ходом мировой истории: «Праведны и истинны все пути Твои, Господи». Представьте себе наш ужас, когда наш крест, поставленный на могиле непосредственно гробовщиком, мы увидели с надписью: «Праведны и немилостивы все пути Твои, Господи»...

*[П. А. Флоренский. Из письма
к М. В. Нестерову. 1 июня 1922 г.]*

